

Содержание

ISSN 2587-8190

Артем Трофимов. Многоязычие в литературной культуре петровской эпохи: «Епиникион» Феофана Прокоповича	335
Виолетта Арстанова. Записки Е. А. Сушковой (Хвостовой): К вопросу об объективности источника	354
Алексей Балакин. Из комментариев к «палладским» текстам И. А. Гончарова	364
Мария Лихинина. Историческая проза и романтическая историография: Образ Ивана Грозного в творчестве Н. И. Костомарова	372
Владимир Емельянов. Древняя Месопотамия в творчестве Сергея Прокофьева	391
Наталья Маркова. «Патмос» Б. К. Лившица и мистическая философия Я. Бёме	415
Юлия Козицкая. Конструирование автобиографического нарратива в творчестве советского национального писателя: Повесть «Мои мектебы» Сабита Муканова	429

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2018 XIV (4)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2018 (4)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель

К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)

Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)

Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)

Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)

Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)

Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)

Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2018

© «Летняя школа по русской литературе», 2018

Информация об авторах

Виолетта Арстанова, аспирант Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
violette_91@mail.ru

Алексей Балакин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия
balakin@inbox.ru

Владимир Емельянов, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
banshur69@gmail.com

Юлия Козицкая, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
y.kozitskaya@gmail.com

Мария Лихинина, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
maria_sarana@mail.ru.

Наталья Маркова, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
natellen16@gmail.com

Артем Трофимов, студент Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
artem_trofimov_9@mail.ru

НАТАЛЬЯ МАРКОВА
(Москва)

«ПАТМОС» Б. К. ЛИВШИЦА И МИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ Я. БЁМЕ

В статье рассмотрены связи сборника стихотворений Б. К. Лившица «Патмос» с текстом философа–мистика Я. Бёме «Aurora, или Утренняя заря в восхождении»: проанализированы образы, встречающиеся у обоих авторов, пересекающиеся сюжетные линии, почти дословное цитирование Бёме в некоторых стихотворениях «Патмоса». Анализ этих связей позволяет прояснить главный замысел сборника и проинтерпретировать обращение к различным мистическим и мифическим сюжетам, главным из которых является миф об Атлантиде.

Ключевые слова: Б. К. Лившиц, «Патмос», Я. Бёме, символизм, мистика, Атлантида

The article deals with connections established between B. K. Livshits' collection «Patmos» and «Aurora: Die Morgenröte im Aufgang» by Jacob Boehme: similarities in imagery, plotlines and citations in both texts are analyzed. This undertaking makes possible a better understanding of the main idea behind «Patmos» and a more thorough interpretation of links to mystical and mythical plots found throughout the work. One of the most important of such myths is a myth of the island of Atlantis.

Key words: B. K. Livshits, «Patmos», J. Boehme, symbolism, mysticism, Atlantis

DOI 10.26172/2587-8190-2018-14-4-415-428

Сборник «Патмос» (1926) — результат долгих творческих поисков Б. К. Лившица после окончательного разрыва с футуристами (около 1913 года). Тексты сборника характеризует эклектичность философских идей и литературных направлений: скомбинированы элементы пифагорейской, мистической, оккультной и романтической философии, черты символистской и романтической поэтики. Дешифровка каждого из этих культурных языков, философских и религиозных текстов–первоисточников — ключ к главному замыслу книги.

Произведение «Auroga, или Утренняя заря в восхождении» (1612) немецкого мистика эпохи Возрождения Якова Бёме — один из определяющих текстов для сборника «Патмос». В воспоминаниях Е. К. Лившиц упомянут факт обращения Лившица к этому философскому произведению в момент работы над «Патмосом»: «Духовная атмосфера Б. К. той поры — оккультные науки, „Аврора“ Якова Бёме; он никогда не был теософом, но тогда очень к этому приближался».¹ Более того, Бёме был значимой фигурой для русских символистов и немецких романтиков, его тексты повлияли на формирование литературно-философских традиций как в Германии, так и в России. Библейские сюжеты, переосмысленные Бёме, заимствовались Новалисом и Тиком, религиозно-мистическая система идей обсуждалась русскими символистами (Брюсов, «Огненный ангел», 1907), писателями и мистиками, входившими в круг московского издательства «Мусaget» (Э. Метнер, Андрей Белый).

В 1914 году перевод текста «Auroga, или Утренняя заря в восхождении» был завершен антропософом и коллекционером А. С. Петровским. Книга, вышедшая в издательстве «Мусaget», по словам самого Петровского, связывала модернистов с XVIII веком и периодом популярности масонских кругов в Российской империи: «Выпуская теперь в свет перевод Утренней Зари, мы можем, таким образом, чувствовать себя в русле лучших традиций той эпохи и в живой связи с оплодотворявшими ее и не иссякшими поныне духовными силами».²

Связи с Бёме вписывают сборник «Патмос» в литературно-философский контекст эпохи. Главная задача данной статьи: проанализировать связи сборника «Патмос» с концепцией Бёме и описать их значение для идейно-философской базы и замысла книги Лившица.

Одной из бёмевских идей, переосмысленных в «Патмосе», можно считать идею единства, которой подчинено функционирование образов сборника. Бёме, «опираясь на

¹ Лившиц Е. К. Воспоминания, дневники, письма. М., 2018. (В печати)

² Петровский А. С. Предисловие изд-ва «Мусaget» // Бёме Я. Auroga, или Утренняя заря в восхождении. М., 1914. С. VII–VIII.

труды Валентина Вейгеля и Теофраста Парацельса, создал сложную космологическую систему: из праосновы, которая представляет собой вечное единство, безмолвие без сущности, вечный покой и ничто, силой стремления к „ничто“ порождается божество, затем Бог создает вечную природу, а Власть Божья — духовный мир: последним порождением является мир земной. Во всем, даже в Боге, заключено как доброе, так и злое начало».¹

Идея единства в сборнике Лившица осмысливается в традиции немецкой философии, ориентированной, главным образом, на тексты Бёме: используются термины «мировой хор», «мировая ночь», появление которых позволяет охарактеризовать бытие как нераздельное и всеобщее, в котором всем правит Бог или Абсолютная идея и в котором все едино.

Например, единство доброго и злого начал проиллюстрировано с помощью образов, отсылающих к тексту бёмевской интерпретации Библии. Образы природы, плодов, деревьев, зерен и соков вовлекают в структуру «Патмоса» сюжет гармонического сосуществования Бога и человека и мотивы нарушения этой гармонии, любви к Богу и духовного совершенствования.

Пример вовлечения мистического контекста в стихотворный — произведение «Когда, о Боже, дом Тебе построю...» (1919):

Когда, о Боже, дом Тебе построю,
Я сердце соразмерить не смогу
С географическою широтою,
И севером я не пренебрегу.

Ведь ничего действительнее чуда
В обычной жизни не было и нет:
Кто может верно предсказать, откуда
Займется небо и придет рассвет?

И разве станет всех людских усилий,
Чтоб Царствия небесного один —
Один лишь луч, сквозь зейденбергской пыли,
На оловянный низошел кувшин?

¹ Аствацатуров А. Г. Комментарий // Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика / Предисл. и коммент. А. Г. Аствацатурова. СПб., 1996. С. 215.

Кто хлебопашествует и кто удит
 И кто, на лиру возложив персты,
 Поет о том, что времени не будет, —
 Почем нам знать, откуда идешь Ты?

Во всех садах плоды играют соком.
 Ко всем Тебе прямы Твои стези:
 Где ни пройдешь, Ты всё пройдешь востоком —
 О, только сердце славою пронзи!¹

Важная деталь упомянута в этом тексте. «Зейденбергская пыль» — это ссылка на биографию Бёме, родившегося в Альт-Зайденберге, Гёрлиц. Стихотворение почти дословно цитирует Библию: «Небо — престол Мой, и земля — подножие ног Моих. Какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего?» (Деян 7: 49), — и включает те же образы небесных тел, сторон света, садов, которые использует Бёме для интерпретации этого библейского фрагмента: «Это не значит, чтобы небо могло объять или охватить Отца, ибо само оно создано из Божественной силы. Ибо Христос говорит: Отец мой больше всех (Иоанн. 10, 29), и чрез пророка Бог говорит: небо престол Мой, а земля подножие ног Моих; где же построите вы дом для Меня (Ис. 66, 1)?»². Речь идет о невозможности уместить Бога в какую-либо сущность, поскольку все, что есть на Земле, — его составляющая.

Идея преодоления героем «Патмоса» этой невозможности становится для него значимой, поскольку поэт только тогда сможет создать дом для Бога, когда и сам станет носителем божественного качества («О, только сердце славою пронзи!»). Вера в то, что когда-нибудь это действительно произойдет, не покидает поэта, его реальность — любовь к Богу и чудеса, скрытые в движениях непредсказуемой природы:

Кто может верно предсказать, откуда
 Займется небо и придет рассвет?

В учении Бёме образы природы скрывают мистический смысл, загадку. Образ зари в книге «Аугога...», например,

¹ Здесь и далее стихотворения Лившица цит. по: *Лившиц Б. К.* Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л., 1989.

² *Бёме Я.* Аугога, или Утренняя заря в восхождении. С. 39.

сохраняет библейское значение благословения и знаменует пришествие Бога: «Потому сначала взойдет Утренняя заря, при которой можно распознать или заметить день <...> кто теперь бодрствует и наготове, тот войдет вместе с ним на вечный небесный брак».¹ Разгадать тайну восхождения солнца, зари — значит, приблизиться к появлению Бога и славе, о чем и просит лирический герой. Восприятие природы как чуда, которое бесконечно живет, — основа мистического мироощущения лирического героя «Патмоса»: «Глубокой ночи мудрою усладой, / Как нектаром, не каждый утолен <...> / И, совершая подвиг безымянный, / Лежит в земле певучее зерно?» («Глубокой ночи мудрою усладой...», 1919), «Во всей вселенной истина одна, / И на земле её раскрыли музы» («Ни у Гомера, ни у Гесиода...», 1919), «В лесах — не только пестрый гам, / Но и найтё птичьей музы» («В потоке — воля к берегам...», 1920), «И мой дух, нарушив клятву, / В сумрак входит роковой» («Мне ль не знать, что слово бродит...», 1922). В природных явлениях герой распознает следы и знаки божественной жизни, стремление к которой — один из главных мотивов сборника.

В стихотворении «Когда, о Боже, дом Тебе построю...» функцию знаков присутствия Бога выполняют образы движущихся небесных тел. Согласно религиозно-мистической концепции Бёме, Бог проходит там, где восходит солнце, а природа — это огромное древо жизни, растущее с Востока на Запад: «Небо и звезды и вся глубина между звездами, вместе с землею, знаменуют Отца; а семь планет знаменуют семь духов Божиих, или князей ангельских»,² «ветвь возросла в природе, и стала деревом в природе, и простерла ветви свои от Востока до Запада, и охватила всю природу».³ Соответственно, в стихотворении Лившица приход рассвета и момент, когда «займется небо», — это момент появления Бога и проявления его силы, что в религиозном контексте считается как второе пришествие. Поэтому непредсказуемость становится свойством божественного появления и требует

¹ Там же. С. 108.

² Бёме Я. Аугога, или Утренняя заря в восхождении. С. 43.

³ Там же. С. 9.

от лирического героя внимания к знакам и закономерностям природы. Наблюдение за происходящим вокруг («где ни пройдешь, Ты все пройдешь востоком», «во всех садах плоды играют соком»), внимательность к сторонам света («и севером я не пренебрегу»), попытка расшифровать эти знаки — способ героя войти в диалог с Богом, внять ему и обрести поэтический дар.

Мотив поиска и ожидания Бога сопровождается рассуждением о ценности этого ожидания:

И разве станет всех людских усилий,
Чтоб Царствия небесного один —
Один лишь луч, сквозь зейденбергской пыли,
На оловянный низошел кувшин?

Следующая деталь, на которую стоит обратить внимание, — образ луча. Этот образ в стихотворении связан с природой, восхождением зари, подтверждающей чудо существования Бога. По Бёме, заря и свет указывают путь к постижению сущности Божией. Для лирического героя «Патмоса» луч — это еще один знак существования и появления Бога.

Герой рассуждает, кто может теперь быть этим носителем божественного знания:

Кто хлебопашествует и кто удит
И кто, на лиру возложив персты,
Поет о том, что времени не будет, —
Почем нам знать, откуда идешь Ты?

В этом фрагменте обыгрываются истории мифических и религиозных персонажей: Орфея (певца) и апостолов, десять из которых были рыбаками («на лиру возложив персты», «кто хлебопашествует и кто удит»). Речь снова идет о невозможности предугадать появление Бога и истинное предназначение человека. Эта мысль получает развитие в последних строчках:

Во всех садах плоды играют соком.
Ко всем Тебе прямы Твои стези:
Где ни пройдешь, Ты всё пройдешь востоком —
О, только сердце славою пронзи!

Последний фрагмент текста содержит догадку или, как пишет Вроон,¹ некоторую надежду на присутствие Бога, который может «сердце славою пронзить» и явить откровение любому («Кто всем Тебе прямы Твои стези»). Герой соотносит себя с предшественниками, обращает внимание на знаки природы («плоды играют соком», «ты все пройдешь востоком»), веря в свою избранность и стремясь к ней.

Цветение плодов, их «игра» и солнечный свет знаменуют пришествие Бога и появление нового мира, земного рая, подробно описанного у Бёме: «И люди, которые были теперь подобны ангелам, ели каждый от плода своего качества и пели песнь Божию и песнь о дереве вечной жизни. И это было в Отце как святая игра, ликующая радость; ибо на то все вещи в начале из Отца были созданы, и так пребудет все в свою вечность».²

Мир, открывшийся с появлением Бога, — праснова, дом человечества. Поиск этой основы — один из главных мотивов сборника. И если в «Когда, о Боже, дом Тебе построю...» речь идет о неосуществимой попытке найти дом Бога, то в других текстах сборника лирический герой ищет или припоминает свой. Упомянутые в текстах «Патмоса» параметры и характеристики, описывающие искомый героем мир, указывают читателю, что речь идет об Атлантиде — затонувшем мифическом острове, который в сборнике символизирует связь и единство древнейших культур человечества.

К интерпретации мифа об Атлантиде, изложенного в диалогах Платона «Критий» (IV век до н. э.) и «Тимей» (ок. 360 года до н. э.), обращались многие, в том числе средневековый мистик Мейстер Экхарт («Проповеди и рассуждения», 1912), на основе проповедей которого свое учение разработывал Бёме, философ и оккультист Рудольф Штейнер («Атлантида и Лемурия», 1923), поэт-романтик Новалис («Генрих фон Офтердинген», 1799–1800), символист Валерий Брюсов («Учители учителей», 1917) и футурист Велимир Хлебников («Гибель Атлантиды», 1912). Для оккультно-мистической

¹ *Vroon R. Benedikt Livshits' Patmos: The Cycle and its Subtexts // The Silver Age of Russian Literature. New York, 1992. P. 104–135.*

² *Бёме Я. Aurora, или Утренняя заря в восхождении. С. 18.*

философской традиции миф об Атлантиде — это история начала оккультной науки и философии: атланты считаются, по одной из версий, основоположниками школ посвящения в тайны и силы природы.¹

В «Патмосе» Атлантида — в первую очередь, образ, связанный с идеей непрерывного единства культур и традиций. Чаще других образов остров упоминается в текстах сборника: «Из сновидения, где Атлантида вне времени явилась нам из вод» («Глубокой ночи мудрою усладой», 1919), «И выплывет из океана слова метафоры ожившей материк» («Есть в пробужденье вечная обида», 1919), «В потоке — воля к берегам, своя Голландия и шлюзы» («В потоке — воля к берегам», 1920), «Преображенья в лире? Урожая полуокеанического дна» («Чего хотел он, отрок безбородый», 1923).

Важна в этом контексте и интерпретация мифа, изложенная в книге В. Я. Брюсова «Учители учителей», так как она, вероятно, была известна Лившицу: «Как сказочный „сезам“, слово Атлантида растворяет все двери, раскрывает все тайны. Становится понятным единство всех древнейших культур человечества; объясняется происхождение культур египетской и эгейской; разрешается загадка пирамид; вскрывается тайна аналогий между культурами Старого и Нового Света; падает свет на связь культуры яфетидов с другими современными ей цивилизациями, на путь развития древнейшей Индии, на значение тихоокеанской культуры и т. д., и т. д. Атлантида необходима истории и потому должна быть открыта!».² Нахождение острова для лирического героя «Патмоса» равно разгадке тайны появления человеческих культур и их единства, а, следовательно, и утверждению роли поэта-певца как медиума.

Еще одна интерпретация мифа, на которую частично ориентированы тексты «Патмоса», принадлежит Рудольфу Штейнеру — немецкому философу и мистiku, чьи тексты и лекции в России в эпоху модернизма, как и трактат Бёме,

¹ *Тухолка С. В.* «Атлантида» // Изида: Журнал оккультных (тайных) наук. 1910. № 5. С. 1–3.

² *Брюсов В. Я.* Учители учителей // Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 7: Статьи о Пушкине. Статьи об армянской литературе. «Учители учителей». С. 431.

имели большое влияние на формирование системы воззрений мистиков и символистов, активно пропагандировавших и исследовавших штейнеровские идеи (Андрей Белый, Л. Л. Кобылинский и др.).

Согласно воззрениям Штейнера, в Атлантиде была размыта грань между сном и явью. Штейнер описывает праотцов человечества, живших на Атлантиде, и подчеркивает, что их главной отличительной особенностью было мышление образами, а не фактами и числами: «Наши атлантические предки отличались от современного человека гораздо более, чем может себе представить тот, кто в своем познании всецело ограничивается чувственным миром. Это различие касается не только внешнего вида, но и духовных способностей. Их познания и их технические искусства, вся их культура была непохожа на то, что можно наблюдать в наше время. Если мы обратимся к первым временам атлантического человечества, то мы найдем там духовные способности, совершенно отличные от наших. Логический рассудок, счислительное соображение, на которых зиждется все, что мы теперь производим, совершенно отсутствовали у первых атлантов. Зато они обладали очень развитой памятью».¹

Неизвестно точно, читал ли Штейнера Лившиц, но популярность в модернистской культуре различных мистиков и философов позволяет предполагать, что да: когда лирический герой «Патмоса» спит, Атлантида «вне времени» является ему, «насельнику исчезнувшего берега».

Текст, в котором миф об Атлантиде развернут шире, чем в других, и для которого сказание о загадочном острове есть основа системы образов и мотивов, — стихотворение «И вот умолк повествователь жалкий...» (1924):

И вот умолк повествователь жалкий.
Прародины последняя заря,
Не догорев, погасла в орихалке...
Беспмятство. Саргасские моря.

Летейский сон. Летейская свобода.
Над памятью проносятся суда,

¹ Штейнер Р. Из летописи мира. М., 1914. С. 7.

Да в простодушном счете морехода
Двух–трех узлов не хватит иногда.

Да вот еще... Когда, смежая очи,
Я Саломее говорю: пляши! —
В морях веков, в морях единой ночи
Ты оживаешь, водоросль души.

О танцовщица! Древняя русалка,
Опознаю сквозь обморок стиха
В твоих запястьях отблеск орихалка
И в имени — все три подводных «а».

А по утрам, когда уже тритона
Скрываются под влагой плавники,
Мне в рукописи прерванной Платона
Недостает всего одной строки.

Множество образов в произведении связано с мифом об Атлантиде: например, орихалк, Сарграсские моря, Летейский сон, прерванная рукопись Платона, три подводных «а» в самом названии острова, принадлежавшего Посейдону. Их упоминание значимо для всего сборника, поскольку дополняет единый миф «Патмоса» о поиске и обретении Бога. Более того, первоначальное название стихотворения — «Атлантида» — подтверждает значимость мифа и для этого произведения, и для всей книги.

Составляющие божественной силы, по Бёме, — семь духов, шестым из которых является звук и пение, из которого «следует речь и отличие всех вещей, а также голос и пение святых ангелов».¹ Пение и поэзия для героя «Патмоса» — связь мира человека с Богом, способ коммуникации с ним: «Господи, <...> / Не осуди моей гордыни / И дай мне в хоре мировом / Звучать» («Ни в сумеречном свете рая...», 1920), «О, почему уста тугие / Ты все еще не раскуешь?» («Раскрыт дымящийся кратер...», 1920), «Мои стихи существовали / Не как моя — как Божья речь» («Я знаю: в мировом провале...», 1919).

Слово берет свое начало во многих качествах, — как злых, так и добрых — поэтому, по Бёме, оно может как

¹ Бёме Я. Аугога, или Утренняя заря в восхождении. С. 117.

стать частью божественного, так и частью дьявольского: «Из какого качества слово берет свое начало, в том же качестве оно и отталкивается на языке, и от языка исходит сила различения: и это знаменует Святого Духа».¹ Большую значимость получает не явление звука или пения, а само слово, то, что поется или говорится. В этом смысле главная задача героя — подобрать нужные слова, как ответ на загадку божественной силы природы.

В «Патмосе» слово — рождающее начало, основа бытия: там, где «умолк повествователь жалкий», прерывается жизнь. Такое понимание идеи слова (у Лившица — Логоса) пересекается не только с античной концепцией, но и с мистико-романтической. Для интерпретации текста необходимо учитывать контекст, основанный на романтической традиции и осмыслении учения Бёме поэтом Новалисом, поскольку его идеи в том числе составляли актуальную для Лившица литературную традицию.

В романе «Генрих фон Офтердинген» купцы, встретившиеся главному герою, рассказывают легенду об Атлантиде, прекрасной земле певцов. Помимо классических романтических идей о восхищении загадочной природой и единении с ней, следует особое внимание уделить пониманию миссии поэта. Однако прежде важно понять, как пение и слово описаны у Бёме, и в чем их сакральная и мистическая значимость.

В романе Новалиса поющий всегда вносит гармонию в окружающую действительность с помощью изрекаемого им слова: принцессу из сказки об Атлантиде пение успокаивает в самых трудных ситуациях. И именно с появлением юноши-певца в королевской стране начинается новая жизнь: «Не было конца счастливым слезам. Песни поэтов зазвучали, и тот вечер стал святым кануном, возвестившим всей стране нескончаемое торжество».² Слово создает и организует мир вокруг героев, общение с Богом/королем посредством слова или песни — есть необходимое условие для создания гармоничной жизни.

¹ Там же. С. 70.

² Новалис. Генрих фон Офтердинген / Изд. подгот. В. Б. Микушевич. М., 2003. С. 30. («Литературные памятники»)

В результате синтеза античной, библейской и мистической культур, Атлантида в «Патмосе» осмысливается как потерянный рай, прародина всех и всего, которая обязательно приведет лирического героя к Богу. Романтическо-мистическая интерпретация мифа об Атлантиде обуславливает функционирование и прочтение образов стихотворения: помимо известных подтекстов, появляются новые, мотивированные сюжетной линией «Патмоса».

Первые строки стихотворения содержат образы, связанные с окончанием жизни, что синонимично потопу Атлантиды-прародины: умолкший повествователь-поэт, чье пение вносило гармонию в отношения природы и человека; погасший орихалк, — металл, считавшийся одним из самых ценных на острове, — чье угасание также актуализирует мотив умирания. Связь огня/горения и жизни в «Патмосе» встречается во многих текстах, что позволяет интерпретировать огонь как пламя жизни, рождения и божий свет: «... неповторимой жизни пламень» («Вот оно — ниспровержение в камень...», 1922), «...пламень / Тайной сущности вещей» («Мне ль не знать, что слово бродит...», 1922), «И некий дух себя измерил нами / В первоначальном дыме и огне» («Самих себя мы измеряем снами...», 1923). Прослеживается влияние не только пифагорейства или античных учений о гелиоцентрической системе мира, но и мистических — так, например, у Бёме из огня происходят другие стихии, и их движение и рождение знаменует присутствие Святого Духа. У Лишвица пламя освещает путь героя к Богу: пока горит огонь, существует «неповторимая жизнь».

Саргасские моря — часть Атлантического океана, куда, согласно легенде, погрузилась Атлантида. Следует обратить внимание, что моря упомянуты в одном ряду с беспмятством, — образом, который в контексте сборника, как и образ погасшего пламени, приобретает семантику окончания жизни. Мотив припоминания для «Патмоса» один из ключевых, поскольку именно воспоминания подсказывают герою, откуда он, где его прародина, Бог («А о том, что прежде был я словом, <...> Если в этом бытии суровом/Есть и память, умолчи», «Как редко торжествует память/За кругозором наших дней!»). В «Aurora...» Бёме описание истории о мире до

всемирного потопа имеет очевидные общие черты с мифом о потопе Атлантиды в «Патмосе»: «И надо полагать, что сотворение не было описано до потопа, но хранилось в памяти как смутное сказание и передавалось из рода в род до времен после потопа, когда мир снова зажил эпикурейски».¹ Обе истории живы лишь благодаря смутному припоминанию, распознаваемому по деталям или образам, которые встречает герой уже после исчезновения мира.

Остров погружен в сон, тишину и тьму. Важно обратить внимание на эпитет «летейский» — от названия реки забвения в Аиде (Лета) — который снова привлекает семантику смерти. Герой узнает и вспоминает Атлантиду по несоответствию тишине и тьме: вместо безмолвия и «обморока стиха» появляется звук, слово, в котором «все три подводных „а“», вместо угасшего огня — отблеск орихалка. Припоминая все эти образы, герой из тьмы и смерти беспамятства возвращается к звучанию и жизни, появляется образ пляшущей Саломеи, проинтерпретированный не совсем традиционно.

Согласно каноническому Евангельскому повествованию, Саломея — царица, плясавшая перед царем на пиру, по наставлению своей матери, потребовавшая за свой танец голову Иоанна Крестителя, предтечи Иисуса Христа.

В контексте стихотворения Лившица, да и всего сборника, образ Саломеи ассоциируется, скорее, с музой главного героя. Однако следует учитывать и стремление лирического героя обнаружить свою избранность: так, соотнесение анализируемого произведения с контекстом всего сборника подсказывает: чем скорее станцует Саломея, тем скорее произойдет новое пришествие и возвращение Атлантиды.

Последние строчки стихотворения отсылают к диалогу «Критий», окончание которого было утрачено: «Мне в рукописи прерванной Платона / Не достает всего одной строки». Как отмечает Вроон, для Лившица диалог Платона — скорее источник сведений о затонувшем острове, нежели ориентир для понимания мифа. Платон привлекает миф об Атлантиде для описания величия античной культуры,² Лившиц

¹ Бёме Я. Аурага, или Утренняя заря в восхождении. С. 328–329.

² Vroon R. Benedikt Livshits' Patmos. P. 112.

интерпретирует его с мистико-философских позиций, изложенных в трудах Штейнера и Бёме: для героя «Патмоса» Атлантида становится домом и первоосновой, цветущим садом вечной жизни и поэзии, где возможно общение с Богом и обретение прежней жизни.

Благодаря включению идей Бёме в философскую базу книги, Лившиц вовлекает в поэтику сборника романтическую и символистскую литературно-философскую традицию, согласно которой природа есть результат действия божественной силы, а труд поэта-пророка и его слово — едва ли не главное условие развития и существования этого мифического мира. Осмысление главных религиозно-философских вопросов (доказательство существования Бога и его присутствия в окружающем мире, предназначение и суть человеческой жизни, поиск земного рая и благословения) с точки зрения концепции Бёме обуславливает мировосприятие лирического героя, который, подобно поэтам-романтикам, ощущает свою прочную связь с природой, угадывает в ней божественные очертания и стремится к единению с ней, а значит, и с Богом. Поиск Атлантиды становится одной из главных сюжетных линий «Патмоса», однако миф и его элементы интерпретируются с мистико-религиозных позиций, что добавляет образу острова значения праосновы мира и прародины главного героя-поэта. Обращение к мистическим текстам Штейнера и Бёме актуализирует культурный контекст и литературный символистский канон, в который вписывается сборник «Патмос».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Бёме Я. Аурага, или Утренняя заря в восхождении. М., 1914.
2. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика / Предисл. и коммент. А. Г. Астафатурова. СПб., 1996.
3. Лившиц Б. К. Полутораглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания. Л., 1989.
4. Лившиц Е. К. Воспоминания, дневники, письма. М., 2018. (В печати)
5. Тухолка С. В. «Атлантида» // Изида: Журнал оккультных (тайных) наук. 1910. № 5. С. 1–3.
6. Штейнер Р. Из летописи мира. М., 1914.
7. Vroon R. Benedikt Livshits' Patmos: The Cycle and its Subtexts // The Silver Age of Russian Literature. New York., 1992. P. 104–135.